

В.Ц. Головачёв

ИВ РАН

**Визит гражданского губернатора Формозы
в Фучжоу в 1900 г.
и доктрина «единодушия» японцев и китайцев**

Современная глобализация и сопутствующие процессы региональной интеграции, особенно на фоне успехов Европейского союза, ставят на повестку дня вопрос о перспективах интеграции стран и народов Восточной Азии. Не случайно в последние годы этот вопрос привлекает все большее внимание ученых и политиков, а поиски реальных основ для интеграции побуждают наряду с изучением опыта других регионов возвращаться к внутрирегиональному историческому опыту и прецедентам. При этом одним из ключевых условий локальной интеграции признается наличие или, как минимум, формирование особой региональной идентичности, основанной на общих интересах, ценностях, доверии и духовной гармонии (см. [5]).

Формирование региональной идентичности в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Корея и др.) имеет свою историю, основанную на традиционных универсалиях древнекитайской культуры и на заимствовании (либо отрицании) уже в новое и новейшее время отдельных ценностей западной цивилизации. В этом плане особенно интересен уникальный исторический опыт Японии, активно эксплуатировавшей идею региональной идентичности для проведения своей колониальной политики в 1895–1945 гг., сначала в регионе Северо-Восточной Азии, а затем и всей Восточной Азии.

После победы в китайско-японской войне 1894–1895 гг. и захвата своей первой колонии – о. Тайвань Японии понадобились новые идеологические основания для продолжения своей колониальной экспансии на Дальнем Востоке. В отличие от конкурирующих западных держав, Япония, как единственная азиатская метрополия, с самого начала пыталась сделать ставку на идеи своей исторической близости, расового и культурно-религиозного «тождества» с Китаем, в противовес чужим и не заслуживающим доверия европейцам. Доктрина единения «жёлтой расы» обрела свои основные черты как внешняя составляющая государственной этнической политики уже в первые годы японского правления на Тайване, а

© Головачёв В.Ц., 2008

затем подвергалась модификации на протяжении почти полувека. При этом в роли основных разработчиков и проводников этой доктрины выступали, прежде всего, деятели колониальной администрации, в том числе глава гражданской администрации острова доктор Гото Симпэй [1; 3; 4, с. 257–261]¹.

В апреле 1900 г. Гото Симпэй прибыл в китайскую провинцию Фуцзянь с необычным визитом, сведения о ходе и характере которого известны из донесения генерального консула в Фучжоу Попова, направленного Российско-Императорскому посланнику в Пекине 6 мая 1900 г.² В своем донесении «О посещении порта Фучжоу японским гражданским губернатором острова Формозы Доктором Гото, а также о совещаниях его с здешним Вице-Королем по поводу развития здесь японцами торговли» Попов сообщает: «Стремления представителя Японии на Формозе идут значительно дальше и хорошо обрисовываются как его речью, сказанною за обедом, данным им в Японском Консульстве в честь народных представителей Фучжоу (шэнь-ши) и помещенной в местной газете „Минь бао“ от 15/28 апреля, издающейся японцами, – так и в розданных им местным властям в значительном количестве брошюрах, отпечатанных, по-видимому, в Японии и, без сомнения, одобренных Японским Правительством» [2; 4, с. 261–264].

Ввиду интереса, который представляет собой речь доктора Гото, российский посланник приводит ее почти целиком, в переводе на русский язык. Как видно из речи Гото Симпэя и из текста распространенной им брошюры, в 1900 г., через 5 лет после окончания китайско-японской войны, творцы новой колониальной политики Японии пытались сделать ставку на нормализацию связей с Китаем и заодно сформулировать некую моральную основу для упрочения своих позиций в районе Тайваньского пролива и Дальневосточном регионе в целом. С этой целью в своей речи перед чиновниками в Фучжоу высокий японский гость акцентировал внимание на целом ряде таких ключевых моментов, как географическая близость Формозы (Японии) и Китая, общность судеб, культурных, религиозных и этических ценностей (представлений и верований), а также «дружба» и расовое единство китайцев и японцев. Указанные обстоятельства рождают особую региональную идентичность двух народов, т.е., выражаясь словами Гото: «Японцы тоже конфуцианцы и тождественны с китайцами». Последняя, в свою очередь, предполагает особый союз и покровительство со стороны Японии («все, что Вам нужно, есть в Японии») вместо получения помощи от европейцев («если есть желание сделаться сильным и для этого обратитесь к европейским средствам, то это все-таки не будет то, что Китай может получить от Японии»). Одним из основных «средств к объединению» Гото Симпэй считает образование (усовершенствование), которое позволит Китаю и Японии сообща «сравняться с европейцами» и «превзойти европейцев». Конечной же целью провозглашен лозунг «воспрепятствуем белым людям хозяйничать на Востоке».

Анализ речи Гото и текста печатной брошюры позволяет заключить, что их содержание представляло собой своеобразную идейную программу, учитывавшую многосторонние и многоуровневые интересы в регионе (Фуцзянь–Формоза, Китай–Япония, Китай – страны Европы) и преследовавшую вполне

конкретные политические цели, а именно расширение влияния и усиление регионального лидерства Японии.

Ниже, для наглядности, приведены систематизированные выдержки (прямые цитаты) из речи Гото Симпэя и распространенной им брошюры, которые можно условно разделить на две части: рассуждения об упрочении взаимной общности Японии и Китая, а также обоснование необходимости совместного усиления, в интересах противостояния европейцам.

1. Взаимная общность Японии и Китая, как фактор интеграции

– о географической близости

В самом начале своей речи Гото Симпэй акцентирует внимание на географической близости Фуцзяни и Формозы, которая предопределила взаимную зависимость, общность исторических судеб и близость интересов:

«В настоящее время большую важность приобретает Восток и в особенности Формоза и Фуцзянская провинция, как соседи между собою. Если в Фуцзянской провинции спокойно, то спокойно и на Формозе, и наоборот: если в Фуцзянской провинции неспокойно, то и на Формозе возникает брожение. Поэтому Фуцзянская провинция и Формоза составляют как бы одно целое. Если они будут во взаимодействии, то могут охранять восточную границу. Чиновники, народные представители и народ Фуцзянской провинции и Формозы *совершенно тождественны* (курсив мой. – В.Г.) и только лишь отделены расстоянием»³ [2, л. 118-б].

– об общности этических ценностей и «единодушии»

Помимо географической близости эта «совершенная тождественность» обусловлена патриархальной этикой и гармонией чувств. Из речи Гото:

«Отцы и старшие братья знакомы с стремлениями младших и стараются быть им приятными; если младшим нравится что-либо, то это нравится и старшим – и наоборот. Их нужно учить доверию, миролюбию, обязанностям и добродетелям. Когда установится единодушие, то, если встретится какая либо печаль в Фуцзянской провинции, она будет печалью и на Формозе, – если же будет какое либо радостное событие в Фуцзянской провинции, то оно будет таковым и на Формозе» [2, л. 118-б].

«У меня нет учености и нет способности управлять народом Формозы. Но я должен заменить для него родителей» [2, л. 199-а].

Интересно, что в своей речи Гото открыто признает антагонизм с туземными жителями Формозы, при этом явно замалчивая противоречия с китайцами («хороший народ») и тот факт, что к тому времени японцы уже приступили к активной «декитаизации» своих новых подданных на Формозе:

«Ради установления единодушия между Формозой и Фуцзянской провинцией, я [давно] должен бы приехать в Фучжоу с целью ознакомиться с народными обычаями и местными условиями, чтобы придумать средства к объединению, но я прибыл поздно потому, что все время приходилось быть на страже относительно Формозских туземцев, производивших постоянно беспорядки; нужно было наказывать бунтовщиков и обласкивать хороший народ, и поэтому с утра до вечера не было свободного времени; притом же приходилось много исправлять – всем нужно было распорядиться. Ввиду всего этого нельзя было оставить Формозу» [2, л. 119-а].

– о дружбе между японцами и китайцами

От заявлений о «тождественности» фуцзяньцев и формозцев Гото переходит к заверениям в давней дружбе китайцев и японцев. Из речи Гото:

«Надеюсь, что здешние чиновники и народные представители будут моими лучшими друзьями и мы будем иметь одинаковые стремления» [2, л. 119-а]... «В Японии издревле существовало мнение, что она должна быть лучшей союзницей Китая, но оно было мнением единичных личностей, – теперь все в Японии того мнения, что она должна поддерживать Китай. Опасаюсь, что китайские чиновники и народные представители не понимают этого. Вице-Король Сюй понимает это и отныне китайские чиновники, народные представители и народ поймут, что Китай и Япония должны быть в дружбе» [2, л. 119-б].

«...у японцев одинаковые с китайцами чувства» [2, л. 120-а].

– об общности культуры, религии, письменности, расы

Из речи Гото: «Посмотрите на Японию, которая существует более 2500 лет: японцы тоже конфуцианцы и тождественны с китайцами» [2, л. 120-а].

Из донесения Попова о содержании брошюры: «Что касается брошюры, розданной Доктором Гото местным властям, один экземпляр которой имею при сем приложить, то она почти того же содержания, как и застойная его речь. Автор ее какой-то Тянь-тянь-шоу-и, получивший высшее образование во Франции, но плохо знакомый со стилем китайского языка, также утверждает, что Китай спит и что ему следует проснуться и обратить внимание на образование. Лучшим местом для образования способных людей, по его мнению, служит Япония, как по близости расстояния, так и по дешевизне содержания, не говоря уже о том, что письмена у японцев такие же, как и у китайцев, и следовательно, китайцам легко будет учиться. Кроме этого, китайцы и японцы принадлежат к одной и той же расе»⁴ [2, л. 121-аб].

2. Внешний (европейский) фактор, как причина для интеграции

– о причинах опасаться намерений европейцев и доверять Японии

Из речи Гото: «...если есть желание сделаться сильным и для этого обратитесь к европейским средствам, то это все-таки не будет то, что Китай может получить от Японии. Настоящее положение Японии ясно подтверждает это. Если Япония желает помогать Вам, то это есть ее искреннее желание, а не ложное. *Все, что Вам нужно, есть в Японии* (курсив мой. – В.Г.). Если Вы будете иметь такие же помыслы, как у европейцев, и будете подозревать, что Япония помогает Китаю только по виду, а в действительности желает извлечь для себя выгоду, то в этом Вы не только ошибаетесь, но попадете в коварные ковы (так в тексте. – В.Г.) европейцев. Это будет очень жаль!» [2, л. 119-б].

Из донесения Попова: «Рекомендуя Китаю дружбу с Японией, Г. Тянь-тянь-шоу-и ставит на вид опасность для Китая со стороны России, Франции и Германии. Что касается Англии и Америки, то, по его мнению, интересы их настолько велики в Китае, что им не выгодно разрушение его. Австрия и Италия, хотя не имеют никакого отношения к Китаю, тем не менее и эти государства могут пожелать приобрести частичку его, и

только лишь Япония не стремится ни к каким захватам, но она не может равнодушно смотреть, если европейцы будут забирать в свои руки минеральные богатства, железные дороги и банки, находящиеся в Китае, а в особенности в Фуцзяньской провинции. По словам автора брошюры, Япония одна или совместно с другими, но не дозволит разрушить Китай» [2, л. 121-б].

– о различии между христианством европейцев и конфуцианством азиатов

Из речи Гото: «Европейцы не говорят, что учение Конфуция не хорошее, но думают, что основываться на нем оном недостаточно, и только люди христианского учения, по их мнению, изучают истинное; только о таких людях можно сказать, что они могут быть управителями; они могут делать из дурного хорошее, но я скажу, что это не так: принцип учения Конфуция: *сань ган у чан*, т.е. три главы (государство, отец и муж) и пять основных нравственных качеств (человеколюбие, справедливость, вежливость, понимание и вера) – это главное. Ясно, что на этом основано управление домашними и государственными делами; великие могут управлять государственными делами, а малые – домашними. Как же учения Конфуция недостаточно? Те, которые специально изучают учение Конфуция, не изучают его должным образом, а потому и говорят, что оно недостаточно. Посмотрите на Японию, которая существует более 2500 лет: *японцы тоже конфуцианцы и тождественны с китайцами* (курсив мой. – В.Г.); могли же японцы улучшиться, совершенствуясь с каждым днем! Что же касается новых изобретений, то Япония в этом отношении первая. Откуда же видно, что учения Конфуция не достаточно?» [2, л. 120-а].

– о способах взаимопомощи, единения и усовершенствования

Из речи Гото: «Наша взаимопомощь не может быть сравнима с взаимопомощью в других странах... разве Фуцзяньская провинция и Формоза не могут усовершенствоваться, и разве [не] улучшится через это образование?» [2, л. 118-б].

«Ради установления единодушия между Формозой и Фуцзяньской провинцией я [давно] должен бы приехать в Фучжоу, с целью ознакомиться с народными обычаями и местными условиями, чтобы придумать средства к объединению» [2, л. 119-а].

«В настоящее время из провинций Хубэй и Фуцзянь посылаются ученики в Японию для изучения разных предметов. Мое правительство с большим уважением относится к ним и делает им подарки» [2, л. 119-б, 120-а].

«В городе Фучжоу, в местности, известной под именем „У-ши шань“, есть японское училище, в котором очень много способных (китайских) учеников, могущих быть, по окончании учения, государственными деятелями и на которых государство может положиться... желательно иметь такие же училища не только в городах, но даже в селах и деревнях и иметь их так много, как в Японии» [2, л. 120-б].

Из донесения Попова о содержании брошюры: «Лучшим местом для образования способных людей, по его мнению, служит Япония, как по близости расстояния, так и по дешевизне содержания, не говоря уже о том,

что письмена у японцев такие же, как и у китайцев, и следовательно, китайцам легко будет учиться» [2, л. 121-б].

– о целях взаимопомощи и усовершенствования

Из речи Гото: «Китай сейчас очень слаб, и если он не будет стремиться к улучшению и усилению, то тогда и говорить нечего...» [2, л. 119-б].

«Во вселенной безразлично, какое бы ни было учение, но необходимо прилагать старание, чтобы усовершенствоваться, и тогда *можно сравниться с европейцами...*» [2, л. 120-б] (курсив мой. – В.Г.).

«Если будет много училищ, то истинная ученость будет увеличиваться, много может выйти способных людей, *и тогда можно превзойти европейцев*» [2, л. 120-б] (курсив мой. – В.Г.).

«...разве Фуцзяньская провинция и Формоза не могут усовершенствоваться, и разве [не] улучшится через это образование? А раз мы достигнем этого, мы *воспрепятствуем белым людям хозяйничать на Востоке*» [2, л. 118-б, 119-а] (курсив мой. – В.Г.).

Таким образом, нарисованная главой гражданской администрации Формозы картина представляет собой целую программу, включавшую не только декларативные пункты, но также некие пути и механизмы ее реализации. В частности, изучение обычаев и местных условий, культивацию дружбы и доверия, сотрудничество в образовании, союз и принятие Китаем помощи и покровительства Японии вместо помощи со стороны европейцев.

Разумеется, показные уверения в дружбе и бескорыстии не могли ввести в заблуждение ни китайцев, ни наблюдавших за визитом европейцев, не питавших иллюзий по поводу истинных намерений Японии. Об этом свидетельствуют как оговорка самого Гото («опасаюсь, что китайские чиновники и народные представители не понимают... что Китай и Япония должны быть в дружбе»), так и резюмирующая часть донесения консула Попова: «Из этой речи ясно, что Япония желает союза с Китаем не столько для самообороны, сколько для усиления в нем своего влияния, с целью эксплуатации его... И едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что, при настоящем положении вещей, Япония не только не в состоянии расположить к себе Китай, но заставит его уклоняться от сближения с собою» [2, л. 121-а].

Нежелание китайцев к сближению с Японией могло лишь усиливаться тем обстоятельством, что процитированные высокопарные рассуждения японского гостя о «единодушии» всех азиатов резко расходились с политикой дискриминации китайцев, разработанной и проводившейся в те годы на Тайване руками самого же Гото.

Как бы то ни было, речь Гото в 1900 г. в Фучжоу имела большое историческое значение, явившись одной из первых сознательных заявок, в русле колониальной политики Токио, на формирование особой региональной идентичности у азиатов из мира конфуцианской культуры (формозцев и фуцзяньцев, японцев и китайцев). Серьезность этого пропагандистского почина подтвердила дальнейшая эволюция доктрины «отеческой миссии» Японии и «единодушия» японцев и китайцев в макрорегиональную идеологию «Великой Восточно-Азиатской сферы совместного процветания и

благополучия» (1940), а также в разработанные японским правительством положения Декларации Восточно-Азиатских стран (ноябрь 1943).

Примечания

¹ Гото Симпэй (1857–1929) – выдающийся государственный деятель Японии, доктор медицины, первый глава управления гражданскими делами на Формозе.

² Это донесение хранится в Архиве внешней политики Российской империи.

³ В приводимых цитатах сохранена орфография автора донесения.

⁴ В приводимых цитатах сохранена орфография автора донесения.

Литература

1. Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929 гг. М., 2005.

2. Копия донесения Генерального консула в Фучжоу Статск. Сов. Попова г-ну Российско-Императорскому посланнику в Пекине от 6 мая 1900 г., за № 69. Переписка по разным предметам. Консульство в Фучжоу. Донесения в Азиатский департамент. 1894–1900 гг. // АВПРИ, Фонд 143, Китайский стол, Опись № 491, Дело № 416, Листы 118–121.

3. *Молодяков В.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. М., 2006.

4. *Тодер Ф.А.* Тайвань и его история. XIX в. М., 1979.

5. *Hiroyuki Hasegawa, Chu Xiaobo.* Harmony Spirit, Identity Formation and Regional Integration in Northern Asia // *The Study of Business and Industry.* – Published by The Research Institute of Commerce, College of Commerce, Nihon University (То-кью), 2007, № 23: 37–50.